

МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

Среди зарубежных источников по истории Северной войны довольно мало западнославянских. Вот почему представляет интерес путевой дневник Даниела Крмана, выдержки из которого приводятся ниже. На русском языке они печатаются впервые.

Д. Крман (1663—1740 гг.)— сын евангелического (лютеранского) приходского священника Даниела Крмана-Старшего, учившийся в университетах Лейпцига и Берлина. Получив высшее теологическое и философское образование, он в 20 лет стал директором Илавской школы, а после смерти отца занял его место. В 1706 г. Крман был избран суперинтендантом евангелической церкви Словакии. В течение многих лет он занимался литературной, переводческой и издательской деятельностью; был, в частности, автором написанной по-латыни и по-чешски славянской грамматики. В своем творчестве Крман восхвалял словацкий народ, защищал национальный язык и культуру, придерживался антигабсбургских позиций, сочувствовал венгерскому освободительному движению.

Словакия, в которой господствовало протестантство, входила тогда в состав Венгрии, подвластной Австрии, жестоко угнеталась феодалами и католической церковью. Со стороны последней Крман постоянно подвергался гонениям. Его неоднократно арестовывали, заключали в тюрьмы. В начале XVIII в. преследование католическим духовенством евангелической церкви еще более усилилось. Весной 1707 г. синод евангелической церкви решил обратиться за покровительством и финансовой помощью к протестантским Пруссии и Швеции. Посольство синода должно было встретиться со шведским королем Карлом XII и рассказать о состоянии евангелической церкви Словакии. Послом был назначен Крман, который и прежде вел переговоры по делам евангелической церкви в Дрездене, Берлине и Вене.

Карл XII с армией в течение года стоял тогда в Саксонии. Оттуда он начал поход на Россию. Когда Крман в середине мая 1708 г. двинулся в путь, шведская армия уже пересекла Речь Посполитую и стояла в Белоруссии. В начале августа Крман прибыл в Могилев, где находилась штаб-квартира Карла XII. Посол был принят королем, вел переговоры с премьер-министром К. Пипером и другими государственными деятелями Швеции. Но, завершив свою миссию, Крман из-за изменившейся военной обстановки не смог сразу вернуться домой. Шведы, переправившись через Днепр, двинулись на восток, а после первых сражений повернули на Украину. Крман, сопровождавший Карла XII, явился свидетелем поражения шведской армии под Полтавой и ее краха под Переволочной. Вместе со шведским королем и бывшим украинским гетманом Мазепой Крман бежал в турецкие владения, откуда через Молдавию и Буковину возвратился в Словакию.

Во время путешествия словацкий посол вел регулярно записи. Дома между концом 1709 г. и началом 1711 г. (возможно, уже к лету 1710 г.) он обработал записи, дополнив их некоторыми новыми известиями. Встречающиеся в его дневнике повторения и неясные места указывают на то, что автор мало переработал первоначальные заметки, ибо не имел намерения издавать их, поскольку вел дневник для себя и близких лиц. И. Минарик, автор работы «Литературное творчество Даниела Крмана», считает, что в художественном отношении 1708—1711 гг. явились кульминацией творчества Крмана и путевой дневник его — яркое событие в ранней словацкой национальной прозе.

Написанный на латинском языке беловой экземпляр дневника хранится в библиотеке бывшей евангелической церковной коллегии (ныне государственный архив)

г. Прешова (Чехословакия), откуда автор начал и где завершил свое путешествие. Этот экземпляр обнаружен в конце 1950-х годов Г. Виктори, осуществившим его перевод на словацкий язык. Но еще в прошлом веке неизвестный сотрудник архива, который переплел данный текст, насчитывающий более 600 рукописных страниц, дал ему название «Даниела Крмана Itinerarium» (то есть путевой дневник).

Это сочинение сильно отличается от многочисленных шведских дневников, отражающих поход Карла XII в Россию и написанных значительно позднее. Шведские авторы были людьми военными и писали о боевых операциях, в которых им довелось участвовать. Крман же человек гражданский, и сугубо военные вопросы занимают в его записках незначительное место. Высокообразованный и с широким кругозором, он интересовался всем виденным. Его дневник не только отражает личные впечатления автора, но и содержит описание разнообразных событий во время путешествия, свидетелем которых он был или же знал о них по достоверным источникам. Общеизвестные факты жизни и боевых действий шведской армии в Белоруссии и на Украине получают в дневнике Крмана значительно более полное освещение. Выясняется ряд важных подробностей.

В записках приводятся исторические, этнографические, географические, экономические и социально-политические данные о странах, где довелось ему побывать во время путешествия. Автором освещаются отношения между государствами, приведены сравнительно объективные картины общественного положения различных классов в Пруссии, Польше, Литве, Белоруссии, описываются внешний вид, одежда, язык, нравы и обычаи, религия, архитектура, фольклор народов этих регионов. В сочинении содержатся характеристики Петра I, Карла XII, борца против Габсбургов Ф. Ракоци, Мазепы, ряда шведских государственных и военных деятелей, представителей украинской казацкой старшины. Заметки этнографического содержания относятся к самым примечательным разделам дневника. Наиболее обстоятельные из них сделаны при описании Белоруссии, Украины и Молдавии. Там говорится о характере, обычаях и религиозных верованиях местного населения, а также турок, татар, калмыков и шведов. В особом внимании к этой стороне дела, по-видимому, сказались религиозные воззрения и интересы Крмана.

В XIX в. в рукописном отделе Национальной библиотеки (Вена) был обнаружен список с рукописи Крмана, сделанный приблизительно в 1780 году. Данный текст изобилует ошибками, допущенными при переписке. Тогда это был единственный известный текст путевых записок Крмана. В 1895 г. Венгерская АН опубликовала его в многотомном издании «Исторические памятники Венгрии»¹. В печатном тексте появилось много новых ошибок, в частности неправильное написание названий населенных пунктов, особенно белорусских, украинских и молдавских. К тому же в ряде мест текста имеются пропуски. В 1969 г. Словацкая АН издала в Братиславе в серии «Памятники ранней словацкой литературы» том 8, посвященный Крману. В том включены путевые записки на языке оригинала и в переводе на словацкий. Издание осуществлено по белому экземпляру записок, хранящемуся в архиве Прешова. В нем тщательно выверены фамилии исторических деятелей, географические, этнографические и другие названия, помещены биографические данные об упоминаемых в дневнике лицах и исторические справки о населенных пунктах².

Дневник (объемом в 15 печ. л.) начинается с рассказа Крмана о его прибытии в Лявву, описания ее столицы Вильно и продовольственных трудностей, с которыми он и его спутники столкнулись. Любопытным фактом, свидетельствующим о тесных связях между Швецией и Крымским ханством, является сообщение о том, что 1 августа 1708 г. (даты даются по новому стилю) в Вильно оказалась татарский обоз с продуктами для шведской армии. Следующий отрывок рассказывает о том, что население Белоруссии и Литвы голодало, поскольку шведы реквизировали продовольствие. В Могилеве Крман достиг шведскую армию и переправился вместе с ней через Днепр. Словацкий посол утверждал, что шведы «пересекли границы Московии,

¹ «Kрман Daniel superintendens 1708—1709-ki. Oroszországi utjanak Leiraca». Monumenta Hungariae Historica. Scriptores. Vol. XXXIII. Budapest. 1895.

² Daniel Kрман ml. (1663—1740). «Itinerarium» (Cestovný denník z rokov 1708—1709). Bratislava. 1969; подробнее см. В. Е. Ш у т о й. Даниел Крман и его путевые записки. «История СССР», 1971, № 6.

дойдя до московитского города Миханович». Но это не так. Граница проходила тогда значительно западнее. Отходя на восток, русская армия вела арьергардные бои, стремясь задержать шведов на переправах через реки и в лесах. 29 сентября шведы заняли Кричев и, простояв там несколько дней, двинулись на Украину. Карл XII уже тогда имел тайный сговор с Мазепой.

Украина поразила Крмана обширными полями, красивыми селениями, богатыми церквями. Симпатии его как активного деятеля протестантизма были на стороне шведов. Считая их защитниками протестантизма вообще, словацкого в частности, Крман тем не менее обстоятельно описывает их бесчинства на оккупированной территории. Он подробно рассказывает о трудностях похода шведской армии на Украину и о сопротивлении местного населения, приводит точные даты ряда событий. Ход народной войны на Украине в 1708—1709 гг. хорошо известен. Однако записки посла содержат много новых ценных деталей этой страницы истории. Такова мужественная оборона Веприка, занимавшего важное положение в военном отношении небольшого городка на Полтавщине, при штурме которого шведы потеряли убитыми около 500 человек. Крман пишет, что Мазепа жестоко обошелся с защитниками Веприка: одних бросил в подземелье, других уморил голодом. Отрывок, посвященный неудачному походу шведов в Слободскую Украину, иллюстрирует их зверства по отношению к местному населению. Последнее отвечало им ненавистью и упорным сопротивлением, как это видно из описания жизни шведского гарнизона в Гадяче.

Крман, неоднократно встречавшийся с Мазепой, оставил описание его самого и ближайшего окружения и рассказал о беседах с ним (материал об одной из них публикуется ниже). Подробно сообщается в записках о положении шведской армии в последние три месяца ее пребывания на Украине, в период осады Полтавы: об окружении захватчиков русскими регулярными войсками, украинскими казацкими полками и местными вооруженными жителями, о постоянных нападениях партизан и нерегулярной русской конницы на иноземцев, о восстании 900 веприковцев, которые присоединились к русским войскам, атаковавшим шведский гарнизон, о вылазках защитников Полтавы. Крман описывает обстоятельства ранения Карла XII. Как известно, шведские участники и западные современники события, а также позднейшие западные историки не раз связывали поражение шведов под Полтавой именно с ранением короля. Крман же связывает ход событий с печальным общим положением дел у шведов, низким моральным духом их солдат, порою готовых сдаться в плен, лишь бы избавиться от голода и лишений. Посол объясняет решение Карла XII начать генеральное сражение под Полтавой безысходностью положения шведов, стремлением положить дело на весы решающей битвы.

Полтавская битва описана Крманом ярко, со многими подробностями. Он красочно рисует драматическое положение шведской армии и короля на втором этапе боя, освобождение Полтавы от трехмесячной осады и радость полтавчан по случаю одержанной победы. Касаясь миссии генерала Я. Мейерфельда, Крман убедительно свидетельствует, что то была не акция мира со стороны Карла XII, как утверждают некоторые западные историки, а интрига, предпринятая с целью выиграть время. Заключительный отрывок повествует о бегстве короля и остатков его армии с поля Полтавской битвы, о многочисленных высокопоставленных шведах, оказавшихся в русском плену. Оценивая битву 8 июля (27 июня) 1709 г., Крман замечает, что то был день, «роковой для шведов и памятный всем поколениям».

Дневник Крмана — исторический памятник, не только малоизученный, но и во многом дополняющий имеющиеся сведения о походе Карла XII в Россию. Наиболее полно автор «Итинерария» освещает те события, свидетелем которых он был сам или знал о них из первых рук. Ошибки же или неточности обнаруживаются в тех частях дневника, которые написаны уже после завершения путешествия. Таковы, например, сведения о политической карьере Мазепы. При описании боев автор преувеличивает силы русских, а победы приписывает шведам. Встречаются также ошибки в написании названий населенных пунктов и имен различных лиц.

Перевод путевого дневника Крмана осуществлен с латинского оригинала доцентами Л. М. Поповой и М. Н. Цетлиным (кафедра древних языков МГУ). Примечания наши.

ИТИНЕРАРИЙ

...Выйдя из Нейштадта, мы весь день шли через леса и 1 августа благополучно прибыли в Вильну, столицу Литвы. Прежде чем войти в город, мы были вынуждены ожидать одну повозку из Данцига, в которой везли вино в шведский лагерь. Однако из-за трудности пути и удаленности этого лагеря эти вина были доставлены в Вильну. Город расположен в лесах, которыми окружен со всех сторон. С восточной стороны он имеет замок, с запада — обширные предместья, окружен стеной, некогда имел богатейшие строения, но в результате пожара 1703 г. был сильно разрушен. Есть в нем Академия Иезуитского ордена, при ней — великолепная базилика и богатая лавка благовоний. По соседству с этой базиликой находится роскошный дом великого литовского князя Сапеги *. Есть и многолюдный рынок. Евангелисты имеют там своего пастора и храм, но их пастор вне храма и собственного жилища не находится в безопасности и поэтому вынужден ходить по улицам переодевшись, дабы не быть замеченным студентами Академии Иезуитского ордена. Мы нашли приют в доме, находившемся напротив княжеского дворца, к которому в это время съехалось 25 татарских возов, которые должны были доставить в шведский лагерь вино, горилку и другие продукты...

Затем мы пришли в другой город, под названием Упирович **, где под открытой крышей постоянного двора мы провели ночь под дождем. Желая купить что-либо из продовольствия, я стал осторожно расспрашивать жителей, не свирепствует ли у них зараза. Я понял, что в доме, соседнем с нашим постоянным двором, все лежат мертвые. В этот же день владелец его был похоронен...

Из Великого Бобра мы шли три мили по селению Славены ***, в котором прежде всего заметили деревья и литовские плоды, которые хотя и были кислыми, однако их жадно поглощали татары и наши возчики. Примечательно, что в таких больших лесах, по которым шли в Литву, мы не видели ни птиц, ни зайцев, а в городах и местечках не видели садовых деревьев, что может навести на мысль о нерадивости жителей. Дома их отстоят друг от друга на порядочном расстоянии; в настоящее время они совсем не имеют заборов; крыши у них засыпаны землей, а сверху уложены или шестами, или соломой. Полю у них изогнутые, состоят из трех рядов горбылей, из которых в середине один ряд возвышается, остальные с той и другой стороны находятся несколько ниже...

В этот же день мы пришли в местечко Павловичи и переночевали возле кладбища под открытым небом. Мы заметили в Литве, а впоследствии и на Украине, что кладбища находятся вне селений, на каком-либо возвышенном или отдельном месте, украшенном высокими березами, без сомнения, в подражание иудеям, которых некогда хоронили в садах и под деревьями. Мы также видели в некоторых местах в рощах захоронения знатных лиц возле тракта в сооруженных из бревен небольших склепах. Лицам незнатного происхождения в голову и к ногам кладут на поверхности земли два больших камня, некоторым устанавливают крест из небольшого деревца поверх могильного камня, иногда могилы украшаются цветами.

На следующий день мы пришли в Чесерин **** через леса, наводящие страх из-за своей пустынности. Недавно мы услышали в Славенах, что на этих днях был взят в плен Банифер, валахский генерал ¹, и из ближайшего местечка был отведен к царю. Говорят, что царь творил там суд и был весел и любезен... Завидев Могилев, мы заночевали под открытым небом, без воды, без сена и с величайшей опасностью для жизни... На следующий день, 16 августа, мы вошли в город Могилев. Этот город имеет глубокие рвы и оборонные укрепления. Есть у него и обширные пригороды, хотя сам город невелик.

...В этот самый день (20 сентября.— В. Ш.) мы пересекли границы Московии, дойдя до московитского города Миханович *****; расположенного между Смоленском

* Казимир Сапега, виленский воевода, сторонник Карла XII.

** Уперевичи.

*** Словены.

**** Тетерин.

***** Мигновичи.

и Мисциславией*. Там мы слышали, что Мисциславия сожжена царем. Когда мы достигли открытых полей, остановилось все наше воинство. Была река**, через которую москвиты хотели помешать нам переправиться, но напрасно. Король Карл, примчавшись к своим полкам, быстро взял из одной команды одного, из другой двух воинов, а также, имея при себе 30 воинов, напал на московитские полки. Сражались ожесточенно. Королевский конь был убит, тогда король спрыгнул на землю и, храбро направившись вперед, преодолел большое расстояние. Там были убиты генерал-аудитор Гол и Розенштерн***, а король, ловко схватив коня Гола, уже без всадника, быстро ускакал².

29 сентября в праздник св. Михаила мы достигли большого города под названием Крупов****, разделенного на три части. В одной части на возвышенном месте находится крепость Радзивиллов, вся деревянная. Кроме того, есть там много русских храмов. Здесь один священник учил меня читать русские буквы. Переночевали мы в каком-то саду, прилегающем к дому, который разграбили наши слуги. Но когда утром пришли женщины с плачем и рыданием, грабители были вынуждены отдать и вернуть все...

День 8 ноября стал памятным благодаря приходу его (Мазепы.— В. Ш.) и аудиенции, данной ему королем. Здесь я расскажу историю, которую впоследствии узнал о нем из сходных сообщений разных лиц. Иван Мазепа в своей юности служил при дворе польского короля у какого-то видного королевского министра, однако, уличенный в любовных отношениях со своей госпожой, был отстранен от должности, помещен в бочку со смолой, откуда его затем вытащили, вываляли в перьях, посадили на коня задом наперед, ноги привязали под лошадиным брюхом и в таком виде провезли девять миль. Наконец, он добрался до своего знакомого, известного человека, от которого получил одежду, но из-за стыда повернул не в Польшу, а в Козакию*****, которая, как он слышал, была прибежищем преступников, грабителей и злодеев, и так как он был знатного рода, царь установил его гетманом казаков после смерти его предшественника...

Мы надеялись получить здесь***** надолго зимние квартиры, так как москвиты действительно захватили зимние квартиры наших. Король Карл двинулся отсюда в город Гадяч, намереваясь оказать там помощь своим. Победив москвитов, он захватил город Веприк во время сильнейшего мороза. Атака шведов сначала была несчастлива, ибо пали из их числа около 500 человек, и среди них некий граф Левенгаупт***** и другие известные полковники и должностные лица. При вторичной атаке король также поднялся на лестницы и взял город, в котором было 2000 московитских солдат и столько же жителей — казаков. Король оказал всем милость. Гетман же Мазепа сверг одних своих подданных в ямы, других же уморил голодом. Некоторые победители в бешенстве рубили мечами женщин, которые поливали атакующих шведов кипятком и поражали камнями³.

Используя победу, король Карл двинулся на вражескую территорию, опустошая Московию на 15 миль в глубину и на столько же в ширину. С 400-ми солдат против 1000 он напал на город Церкову*****, с 300 против 5000 — на город Опошню и счастливо обратил их в бегство. Города и села он приказал предавать огню и до основания разрушать дома. Встреченных в них жителей убивали. Тем, кто явился сюда из Козацкой земли, была дарована жизнь с приказанием вернуться к своим, чтобы больше никто из-за страха лишения жизни не был проникнут враждой к шведам. Он сжег много тысяч голов овец и скота. Прежде чем Карл вернулся к своим на Козацкую землю, лед тронулся и многие из победителей-шведов утонули в какой-то реке (Коломаке.— В. Ш.). Нагруженные деньгами возы гетмана Мазепы, находившегося

* Мстиславль.

** Имеется в виду река Вяхра.

*** Т. Гард, полковник К. Г. Розенштерна, генерал-адъютант, командовал личной охраной Карла XII.

**** Кричев.

***** Украину.

***** В Ромнах.

***** Капитан А. Левенгаупт.

***** Правильно — г. Зеньков; его обороняло местное население.

с королем, также пошли ко дну*. Многие с боевыми орудиями были вынуждены оставаться на другом берегу реки под открытым небом при сильнейшем морозе. Неприятель мог их легко захватить, если бы разведал, что они не в состоянии были продвигаться. Когда вода пошла на убыль, они благополучно перешли реку и вытащили из нее несколько возов...

2 января 1709 г. мы неожиданно должны были выступить в город Гадяч, неизвестный нам уже по самому имени своему, ибо мы думали, что это название дано ему от гадов. Мы уже слышали, что его пригороды были преданы огню москвитами и что они страдали там от недостатка хлеба и других жизненных припасов. Нашим счастьем было, что один друг королевского начальника почт, прибывший в Гадяч из расположения этого достохвального начальника, находившегося уже тогда в Гадяче, вознаграждал наш завтрак доброй горилкой. Я положил еще на воз раскаленный кирпич для обогривания ног и рук. Ибо, обладая таким образом внутренним и внешним теплом, смог продержаться более половины пути. Притом надо было преодолеть во всяком случае две мили, идущие через широчайшие степи, которые так пронзительно продувал яростный и леденящий скифский ветер, что некоторые из наших конных возниц окоченели насмерть. Они были найдены бездыханными на телегах и возах, особенно те, которые заснули после неумеренного поглощения горилки...

При таком неистовстве стужи добрались мы после полудня до Гадяча, и хотя огромное пространство перед воротами было заполнено телегами и санями, мы проникли в город и, проведя напрасно два часа в поисках распорядителя квартирами, вошли в какой-то пустой от солдат дом и восстановили свои силы скромной едой и теплом...

На следующий день наши хирурги начали отрезать своими бритвами отмороженное и гниющее мясо от пальцев рук и ног у некоторых солдат и приходящих для этого в нашу квартиру людей, а также по очереди препираться о квартире... Топлива не было совсем, если не считать того, что мы притащили с крыши дома. По этой причине окошки дома с обеих сторон были обложены льдом и снегом, а вода, сколько бы ее ни было в помещении, превращалась в лед. Очаг в течение некоторого времени удерживал тепло и, тлея все более скудно, не мог предоставить возможности покоя домашним и пришедшим. Изгнанные оттуда хозяева вынуждены были улечься частью под соседними нарами у этого очага, а частью вне дома в каморке, предназначенной для овощей и других продуктов и съестных припасов, приготовленных и высушенных по обыкновению жителей Козацкой земли. Остальная часть этого помещения пошла пришедшим солдатам. Редко мы могли приобретать пиво, чаще — вино с медом, и это за большую цену, однако горилки нам хватало, и она была для нас универсальным лекарством...

В недавнем пути и в этой квартире мы испытали холод, который запомним на всю жизнь. Слюна, вылетающая изо рта, прежде, чем упасть на землю, превращалась в лед, замерзшие воробьи падали с крыш на землю. Здесь можно увидеть одних без рук, других — лишенных рук и ног, третьих — лишенных пальцев, лица, ушей, носов, некоторых — ползающих, подобно четвероногим, других — тяжело удрученных из-за поврежденного морозом имущества. Все дома были заражены. Более 300 местных жителей умерли, пораженные разными болезнями. Но и король Карл не был застрахован от опасности холода. Однако он был приучен к перенесению всяких трудностей. Его лицо побелело от мороза, но, растертое господином графом Рейншильдом** с помощью снега, восстановило прежнюю живость...

В этом городе (Гадяче. — В. Ш.) был схвачен завербованный москвитами один слуга Мазены при подготовке покушения на его жизнь. Он был отведен на место казни и должен был быть повешен. Был в Гадяче и человек, знавший немного латынь, Федор Хоминский, который, говорят, имел звание доктора богословия, через посредство тестя своего, Стефана Тышковица, гадячского протопопа, но это звание отказался при нас получить, после того, как мы коснулись разных основ веры, и он увидел, что, защищая святых с помощью добрых дел, сам отпал от их призывов к справедливости. Иоанн же Борзовский покинул священную церковь святой Девы Марии до прихода шведов, которые поэтому захватили ее имущество — книги, чаши и всю церковную утварь. На его место был поставлен в этой церкви Георгий Ерощ-

* Участник событий Вейсз указывает, что это произошло на реке Псел.

** Речь идет о фельдмаршале К. Г. Реншильде.

такович, который при погребении ребенка нашего гостя совершил обряды чтения и отпевания и затем смешался с толпой женщин, окруживших могилу, и на моих глазах обнимал каждую женщину из присутствующих. Местные мужчины и женщины посмеивались, мы же были поражены изумлением, что в час погребальной скорби, без всякого перехода, повернув лицо, он осмелился на этот бесчестный поступок. Дерзость одного человека обнаружилась духовную сущность других людей...

Имена младенцам даются различные, из которых более предпочтительными являются: Фтеодор, то есть Теодор, Фтеодот, то есть Феодосий, Василий, то есть Василий, Марко, Терезко, Демьян, Федор, Иван, Михаил, а равно и женские: Хвестка, Феодора, Гараджа (то есть Красивая*), Мотря, то есть Матрена, Настя, то есть Анастасия, Елена, Мария, Зинка, Гапка, Палашка, Приска, Докья и кто может другие перечислить...

Гадяч имеет деревянную крепость, усиленную валами. Также и самый город весь окружен валами и насыпями и немало укреплен шведами, чтобы быть более защищенным от нападений неприятелей. Собираясь из него уйти, шведы сожгли некоторые дома, владельцы которых переходили к московским частям, и разрушили более укрепленные места. Гетман Мазепа имел под крепостью огромной величины погреба с медом, пивом и воском, удобные для их сохранения. В крепости же, расположенной на возвышенном месте, воздвигнуты оборонительные сооружения, установлены наблюдательные пункты и боевые орудия. Крепость имеет огромный запас оружия, фуража и других предметов.

Шведская гвардия двинулась отсюда 21 февраля, мы же выступили 18 марта и в течение часа достигли монастыря, окруженного рвами и валами, а оттуда при сильнейшем морозе продвинулись на две мили к городу Лютеньке, также укрепленному рвами и валами, где от господина Спарре, коменданта этой местности, получили удобную квартиру. Мы заметили здесь великолепнейший храм, недавно построенный из камня, алтарь которого, говорят, стоил 20 тысяч, вся же постройка — 100 тысяч козацких флоринов, один из которых равен десяти царским грошам. Я еще в жизни моей не видел подобного алтаря и не был бы удивлен до такой степени, если в Козакии мог бы увидеть хотя бы немного камня. Он тянулся от одной стены до другой, поднимался до свода и содержал различные статуи, разрисованные золотом и разными красками. Вблизи алтаря показывали мощи старца, какого-то священника, похороненного в прошлом веке и сохранившего вследствие чрезвычайной святости лицо и волосы еще до сих пор. В вечернее время трое мужчин оказали нам честь исполнением песни в три голоса, а именно одного низкого и двух дискантов, говоря, что мальчики редко привлекаются для публичной песни.

В 20 день марта мы прибыли в город Борки, нашли там двоих наших земляков, господина Мартина и господина Матейда. Ранним утром 21 числа в мороз, через открытые степи, не без страха перед неприятелем, занимавшим все соседние местности, мы быстро прошли четыре мили в Опощню и оттуда одну милю в Будиче. В Опощне находился многочисленный шведский гарнизон, были также и две тысячи московитов, которые во время недавнего захвата города Веприка покорились королю Карлу. Пригороды же Опощни простираются на расстояние свыше полумили. В Будичах имели местопребывание король Карл, гетман Мазепа, королевский и гетманский дворы. Нам выделили здесь два домика, более удобный из которых я отдал нашему Грунду, рижскому купцу.

Сюда** стекались из соседних мест многочисленные королевские слуги, сходились также многочисленные чиновники и купцы, желая присоединиться к товарищам по странствованию. Они, однако, по совету господина Гермелина***, направлялись мною в королевскую канцелярию для испрашивания отпуска. Господин Гардер, секретарь Левенгаупта, человек ученый и знакомый с геометрией, надеялся, что он будет послан с господином генералом Левенгауптом для набора солдат в Ливонии. Господин Венеровский****, пока мы просили пропуска, познакомил меня с племянни-

* Красивая — по-украински «гарна».

** В Будичи.

*** О. Гермелин — секретарь Карла XII.

**** Имеется в виду Войнаровский, см. прим. 4.

ком гетмана из окружения Мазепы по имени Максимовым*. Он с госпожой Обыдовской, сестрой Мазепы, был у генерала-аудитора гетмана и довольно благосклонно высказался в отношении нас. Сам же Максимов был учтив и гостеприимен. Муж этой женщины по имени Иван Обыдовский был некогда стольником его царского величества, человеком весьма авторитетным⁴.

Гетман Мазепа уже изменил сделанное нам ранее предложение о своей протекции в Ромнах, говоря, что он намерен свято поддерживать дружбу с нашим князем, и утверждая теперь, что не сможет предоставить нам пропуска для свободного прохождения прежде, чем мы не испросим разрешения уехать от светлейшего короля Карла, господина этих земель. Он сказал, что, когда мы получим эти милостиво предоставленные пропуска от его величества, надо будет, чтобы он через королевский двор был об этом извещен. Но в этот самый час пришел господин Гермелин, который подробно извещил гетмана о нашем отъезде и освободил этого осмотрительного человека от всякого подозрения.

Упомянув за стаканом вина о запорожских казаках, вот-вот подходящих на помощь королю и своему гетману, я на радостях сказал, что от их прибытия нам много будет добра. Гетман же Мазепа, думая, что я говорю о шведском войске, исправил мою речь такими словами: «Высокостепенный господин, прежде нежели эти вспомогательные войска получат его королевское величество, бывшее всегда счастливым, так как он владеет справедливым поводом к войне и несет его единственно к богу, помощнику справедливого дела и укротителю войн, то он не будет оставлен господом, хотя бы ни один запорожец не пришел на помощь». Мы были обрадованы такой его уверенностью. Также, когда его посетил сначала граф Левенгаупт, говорят, что он сказал, что героическая или весьма выдающаяся доблесть этого графа в недавнем деле у села Лышна** между реками Днепр и Сож побудила его самого ускорить переход к шведскому королевскому величеству, в особенности увидев, как этот граф с таким небольшим отрядом своих людей храбро задерживал три дня такую массу врагов и с лучшей частью своего войска вошел в самое средоточие неприятелей, переправившись вплавь на лошадях через опасные реки, чтобы суметь раздавить самого врага всеми силами, идя с таким трудом на риск битвы. Мы были уверены, что господин Гермелин пришел во время нашего разговора, имевшего место 27 марта, только в силу совершенно исключительного божьего провидения. Накануне, в предшествующий день 26 марта, неожиданно напал на московитов полк Альфентейлианцев⁵. Они нанесли серьезное поражение, захватив самого полковника, который, с большим воодушевлением сопротивляясь врагу, был отрезан от своих солдат, когда пробегал дальше.

В день 6 апреля прибыл кошевой, предводитель запорожских казаков***. Тогда и я, ожидая приема вместе с королевскими слугами, получил случай говорить с моим господином Гермелином, который уже говорил обо мне со светлейшим королем и графом Нипером. Он отвел меня к окну, которое уже занимали король с господином Нипером, и это он сделал с тем расчетом, чтобы, появляясь на глазах того и другого, я мог бы освежить в памяти мою просьбу о грамотах для свободного прохождения.

То, что я был на виду, привело к большому результату. Ибо вскоре от королевского величества отошел граф Нипер, говоря мне на ухо: «Светлейший король дал мне поручение, чтобы я говорил с господином Мазепой с целью получения пропусков для свободного прохождения, что я охотно сделаю без всякого промедления». После того, как граф отошел от меня, подошел ко мне отошедший от короля граф Левенгаупт и от лица господина Гермелина призвал к следованию за графом Нипером. Он привел меня вдобавок на завтрак к господину графу, который сказал, что мое присутствие ему приятно. Мы одни почти час беседовали втроем, прежде чем был готов завтрак. Среди прочего сиятельнейший граф говорил, что светлейший король с самого начала своего правления верно продвигал вперед дело евангелической церкви. Пока он был в Саксонии, то в течение трех дней только этим и занимался, совершенно не общаясь с министрами. Наконец, после заблаговременно посланных просьб и длитель-

* Речь идет о генеральном есауле Д. Максимовиче.

** Лесная.

*** Речь идет о К. Гордиенко.

ных размышлений, завладел хартией и кратко засвидетельствовал своею рукой некоторые пункты, после чего послал это в Вену, в Австрию, с добавлением декларации, чтобы в течение трех дней он обо всем получил прямой ответ. Среди прочего в ней был пункт о восстановлении всех церквей в Силезии, разрушенных в противность духу Оснабрюкского умиротворения⁶, гарантию которого взяло на себя как защитник религии его королевское величество Швеции. Цесарское величество ответило обещанием денег и герцогства. Но его королевское величество снова написало своему резиденту, задержавшемуся при цесарском дворе, что он не желает продавать свободу религии, уступленную по Оснабрюкскому договору, а также, что он отвергает деньги, данные из милости, но желает оспорить принятое звание, к которому принадлежит по более сильному праву. Итак, к королю был послан господин Коловрат*, который, придя к графу Пиперу, пожаловался, что шведское величество не довольно своими победами, одержанными над королем Августом и Великим князем Московским**, а пожелало быть втянутым в новую цесарскую войну. Но господин граф Пипер ответил, что шведское величество не ищет повода к новой войне, а требует лишь соблюдения нарушенного многими способами Оснабрюкского соглашения.

Господин Пипер рассказал потом, каким образом ударили по рукам в вопросе об Оснабрюкском мире и как он был подписан господином Коловратом от имени его цесарского величества, при гарантии англичан, голландцев и королевского величества Пруссии, и что невероятно, чтобы этот договор не соблюдался бы, так как слух о нем уже разнесся. Господин граф Пипер высказал также мнение, что княжество Литовское цесарское величество резервировало бы для себя, если бы его не захватили победные армии Карла. От его имени большая благодарность следует королю Карлу, который с помощью бога удержал столь могущественного государя. Он также рассказывал, что не думал, что король так занимался священным писанием и так был искушен в нем. Ведь князь Любомирский*** вследствие бесед и совместной жизни с королем сделался лютеранином, теперь он живет в Холме. Старшего же, Сапегу, великого литовского князя, знакомство с королем совершенно превратило в другого человека и лучше сблизило с евангельской религией.

Между тем были принесены яства, некоторые по два раза. Мы выпили каждый по три бокала крымского вина, и прежде чем закончился завтрак, господин граф Пипер был призван к королевскому величеству и должен был присутствовать на аудиенции, которая должна была быть дана запорожцам. Короля окружали, с одной стороны, граф Пипер, принц Вюртембергский и прочие министры, с другой стороны — господин Гермелин, Цедергельм и прочие в большом числе. Предводитель запорожцев со своими людьми был приведен к королю и приветствовал его, принеся клятву верности****. Король через своего комиссара по имени Султан*****, знавшего казачий язык, сохраняя порядок, отвечал каждому из них. Они низко кланялись в присутствии королевского величества и как бы припадали к его ногам. В течение часа они находились на глазах короля и гетмана Мазепы, вследствие щедрости которого чиновники, а другие — вследствие щедрости королевской пользовались милостью вплоть до третьего дня. Когда запорожцы отошли, подошел господин Гермелин и извещал меня о милостиво подаренных мне королевским величеством путевых деньгах...

Светлейший король, выведший солдат из Опшны и Будиш, снова вернулся в Полтаву, которую осадил, побужденный Мазепой, еще за восемь дней до этого, то есть 22 апреля. В отсутствие же короля осажденными был унесен порох, вложенный в подкоп, в тот самый час, когда шведы были уверены, что ворота с укреплением взлетят на воздух. Король Карл, будучи раздосадован, начал вечером 30 апреля обстреливать город пушечными ядрами из ближайших орудий и не оставил этого прежде, чем занялся день 1 мая. Городу был нанесен большой ущерб после того, как было сожжено несколько домов и гарнизон ушел в более удаленные части города.

Несколько дней прошли без значительных военных операций, так как казаки

* Дипломат императора Иосифа I; его настоящее имя—Ян Вацлав Вратислав.

** Здесь имеется в виду Петр I.

*** Речь идет о Я. А. Любомирском, который принял евангеличество в 1708 г. в лагере шведских войск в Радошковичах.

**** Это произошло 27 марта (7 апреля) 1709 года.

***** Полковник Сандул, командовавший у шведов полком.

Мазепы просили, чтобы король Карл не сжигал городка, в котором Мазепа имел единственную сестру*, а сами они имели там дома и свои семьи. И там же было положено имущество самого большого полка из всех**. Чтобы защитники города, вынужденные голодом и отчаявшись в помощи и видя, что с каждым днем им угрожают все большие трудности, сами передали бы себя королю, разрешив управлять ими.

В день 3 мая я выехал с господином Погорским***, чтобы наблюдать осаду Полтавы. Мы увидели небольшой городок, расположенный на холме, окруженный с двух сторон невысокими холмами и укрепленный двойными насыпями и такими же валами. Король Карл приказал устроить на склоне ближайшего холма апроши. С противоположного холма, на котором возвышался великодушный монастырь, он поражал врага большими пушечными ядрами.

Царское величество уже прибыло со всем своим войском⁷ и с невероятным трудом позаботилось соорудить длиннейшие траншеи. Он усилил их многими пушками, наполнил окрестные поля и прилегающие леса палатками и солдатами разных видов оружия. Небольшой ручей**** отделял монастырь и Полтаву, или лагерь шведов и московитов. Со стороны московского лагеря жители имели для преграждения доступа хорошо укрепленные ворота. Король Карл велел установить пушки, обращенные против московитов, поставил кругом солдат и приказал разместить караулы в наиболее опасных местах, чтобы никоим образом осажденным не подвозилось продовольствие. С противоположной стороны были другие ворота, имевшие впереди себя посты и вокруг них валы, укрепленные шведской охраной. Приятно было видеть врага на расстоянии полета ядра от шведов и разведать все это...

Весьма печально было положение шведских дел, и с каждым днем мы испытывали это все тягостнее. Шведские конфедераты, казаки отнимали, где только могли, деньги у шведов, а иногда и жизнь. Скрывающиеся в лесах крестьяне искали поводов для грабежа. Шведы же, желая подавить Полтаву голодом, сами погибали от медленного голода. Из Новых и Старых Санжар и нескольких соседних селений подвозили, правда, хлеб, пиво, брагу, мед и другие припасы, но что это было для такого множества, и разве были удовлетворены все рядовые солдаты! Рассказывают, что в королевской ставке платили по 16 талеров за один гарнец***** горилки.

Светлейший господин генерал-майор Мейерфельд выложил за один гарнец горилки, видимо, 12 талеров, о чем сам позднее рассказал. Одна пара обуви, пригодной для рейнского всадника, — 20 флоринов, одна широкая немецкая шляпа, украшенная тонкими серебряными лентами, — 30 флоринов. Одна бочка пива, содержащая семь с половиной кувшинов, — 45 рейнских флоринов. Один гарнец содержит почти три средние венгерские меры, хотя не принятые в Буде, но которыми пользуются бывшие жители Венгрии в пределах Австрии, Моравии, Силезии и Польши. Далее, 20 гарнцев образуют одну девятину, 150 гарнцев — одну казацкую бочку. Одно седло продавалось за 12 имперских солидов, даже еще и по 20.

Наш Гааз купил один кувшин горилки за 8 полновесных золотых, цена которых была по 6 рейнских флоринов, в общем — 48 флоринов. Было выручено 22 рейнских флорина. Итак, он заполучил за один простой кувшин горилки 70 рейнских флоринов, это было перед началом осады Полтавы, когда, конечно, наблюдалось большое изобилие продуктов. На одном публичном торге за пять рубашек было заплачено 60 полновесных талеров. Цена хлеба также росла по мере продолжения осады и увеличения трудностей. Казаки отвергали все другие деньги, кроме золотых и полновесных талеров. Шведы взвизгивали на них цену. Саксонская монета отвергалась. Приобрести копейку могли очень редко. Мясо, правда, можно было иметь иногда, но вследствие чрезвычайного зноя более двух дней его невозможно было сохранить без зловония...

* В действительности это была жена племянника Мазепы, полковника И. П. Обидовского. Единственная сестра Мазепы Александра умерла в Киеве около 1695 года.

** На Украине в начале XVIII в. полком называли не только войсковую часть; полк являлся также административно-территориальной единицей.

*** С. Погорский, словацкий шляхтич, второй посол.

**** Имеется в виду р. Ворскла.

***** Польский и литовский гарнец был равен четырем квартам, являясь мерой сыпучих тел и жидкостей.

В день 21 мая были переведены в город Старые Санжары из Опошны и Будищ пленные веприскские москвиты, после того как эти города были оставлены шведами и преданы огню, чтобы они не смогли стать убежищем для врагов. Безоружную толпу пленников, состоявшую из 900 человек, проводили близ нашей квартиры. Один месяц они оставались в Старых Санжарах и по его истечении освободились благодаря собственной хитрости 25 июня нового стиля. Этот день начался уже, когда мы слышали отдаленный от нас полумилей рев пушек и военные залпы, длящиеся более двух часов. 8 тысяч москвитов вторглись в этот город, в котором генерал-майор Крузе, несчастливый в недавнем сражении у Кобеляк, имел дислоцированным свой и другой полк. Он слышал из различных донесений, что враг угрожает ему, однако не позаботился отвести свои обозы и грузы в безопасное место. Вторгшиеся неприятели, пренебрегая страхом смерти, разрушают в удобном месте топорами изгородь. Пленным москвитам, которые здесь находились под стражей, разрешалось более свободно передвигаться, и они встретили шведов ударами, от которых, как бы и когда бы их ни получили, многие погибли. После того, как шведы ушли из города, пленные были выведены оттуда и ушли не без потерь⁸. Шведам вредили здесь также беспечность и доверие, возлагаемое на конфедератов, хотя об их изощренном вероломстве, вошедшем в пословицу, знали эти беззаботные люди...

После того, как санжарский шум умолк, мы вскочили на коней и, прищпорив их, примчались в город. Он дымился в нескольких местах. Вне и внутри города валялось немного москвитских трупов. Мы заметили одного москвита, который шел с большим мешком к городским воротам, у которых были заперты остальные стражники в крытых соломою хатках. Он упал на колени, держа мешок на плечах. Один из этих пленных, некогда полковник, лежал бездыханным. Он ходил к шведскому генералу, доверием которого пользовался, дважды надевал его платье, а свое натягивал сверху, унося также другие вещи и припрятывая их у себя. Мы видели здесь разбитые повозки, опорожненные сундуки. Полковая касса Крузе — 20 тысяч талеров — была унесена. Было уведено 900 москвитов, из которых пало, однако, около 80. Говорили, что это было сделано с москвитами не без своего рода умысла. Ведь Крузе был достаточно информирован о приходе москвитов, однако не отправил иначе багажа, не дождался из соседних мест шведской помощи, не проявил большей заботы о задержанных. Потом пришло из нашего села несколько отрядов, но неприятель уже ушел из города за соседнюю реку. Действительно, ущерб был нанесен немалый. Ибо хотя из шведов погибло едва трое или четверо, но москвиты были уведены. Из-за них король Карл, намереваясь захватить город Веприск, потерял, как выше было сказано, около 500 своих.

Говорят, что 26 мая в город Подтаву вошли около 1 тысячи москвитов, потеряв, однако, 200 своих⁹. Москвиты пытались сделать это самое и на другой день, но были решительно отражены, потеряв 600 своих и взятого шведами в плен бригадира, который был близок к Меншикову, главному министру царского величества. 15 июня ворвались полтавские защитники и, применив сосуды со смолой, подожгли ближайшие шведские позиции.

21 июня нового календаря мы отпраздновали второй день покаяния в деревне Хведерки и слушали пастора Гельбшианского полка, который проповедовал из II книги Хроник, стих 16, о единении с богом, долженствующем быть с пользой установленным. Повод для этого ему предоставил приход татар к королю и Мазепе в деле союза против москвитов. Ханом татарским был послан некий мурза, то есть капитан, с которым и мы позднее говорили по-венгерски. Ибо он был когда-то Агриенским капитаном, но в недавней турецко-имперской войне, отведенный в Вену, убежал оттуда. Он беседовал по-немецки с господином графом Пипером и, насколько мы поняли, настаивал, чтобы татары были допущены к союзу со шведами и казаками с тем условием, чтобы шведское королевское величество без участия татар не заключало впредь мира с москвитами и разрешило татарам, намеревающимся вторгнуться в Московию, увести людей, отогнать скот и чтобы они (татары. — В. Ш.), удовлетвовавшись этой помощью, были бы готовы к исполнению военных приказов, которые будут даны им королем Карлом. Увольнение этих отосланных откладывалось на третью неделю, чтобы король Карл, полагавшийся на вспомогательные татарские войска, не

пожелал бы, может быть, пойти на риск войны. Мурза сетовал, пока мы просили его, желая отправиться с ним в Крым, что отсрочка его отбытия к хану может стать пагубной для обеих сторон, ведь татары будут готовы к вторжению в Московию, как скоро они уразумеют, что король Карл согласился на их просьбы.

Эти татары даже удивлялись, что король Карл штурмует Полтаву, потому что царское величество через своего особого человека информировало их о том, что московско-шведская война уже прекращена на почетных условиях после того, как королю Карлу была дана в жены сестра царя¹⁰. Он желал этими выдумками отвратить татар от мазепско-шведского союза, для подготовки которого гетман Мазепа весьма недавно отправил своего человека с валашским полковником в Крым. Ибо казаки имели какое-то старое соглашение, по которому им оказывалось уважение во имя братства и в силу которого одна сторона обязывалась предоставлять помощь другой стороне, терпящей затруднения. Целыми днями распространялся слух о приходе татар, и даже крымские вина, изюм, миндаль, винные ягоды и другие предметы привозились в шведский лагерь.

27 июня мы с двумя полками бежали к Полтаве, так как прошел слух, что на рассвете на нашу деревню нападёт многочисленный неприятель. Накануне предшествующего дня мы слышали сильную канонаду шведских пушек, не дававших врагу вступить в город. Усердие неприятеля было столь большим, что он забросал множеством пушечных ядер не только шведов, которых мог видеть, но и долину, окруженную холмами, намереваясь нанести ущерб находящемуся там королю Карлу. Но его спасло божье провидение. На этом пути мы видели одного крестьянина, выбежавшего из леса и напавшего на шведа, сидевшего с несколькими солдатами на возу. Когда он ударил этого солдата, то тот закричал. Тогда крестьянина схватили, сильно избили и увели. Уже по одному этому поступку можно понять опасность, грозящую шведам. В тот же день, находясь в каком-то домике, расположенном почти на вершине холма близ города, мы слышали в продолжение целых 15 минут пушечную пальбу. Горожане сделали вылазку, но шведы и казаки, находившиеся где-то вблизи, в лесу, их мужественно отбили.

Этот день (27 июня.— В. Ш.) был несчастным для светлейшего короля. Когда он услышал, что несколько калмыков перешли реку, то, захватив с собой нескольких драбантов, пошел им навстречу, убил нескольких неприятелей и остальных обратил в бегство. И когда он уже возвращался в свой лагерь, неожиданный выстрел из московского ружья ранил его в ногу, которую он раньше сломал в Польше. Пуля, проникая через ступню, завязла под пальцами. Собрался консилиум врачей, начался осмотр раны и поиск пули. Операция длилась целый час, затянувшись потому, чтобы случайно не повредить нервы и жилы пальцев. Но король не обнаружил ни единого признака боли и, сохраняя веселое выражение лица, побуждал врачей, чтобы они взяли ножи и, не боясь, резали, и как следует резали, мясо на раненой ноге. Говорят, что он вел себя так же, когда в Польше сломал голенную кость. Без страха он спросил лекаря, через сколько дней можно надеяться, что голень срастется. Когда он услышал, что нога поправится через шесть недель, то старательно считал дни и, когда наступил последний день шестой недели, приказал привести коня для верховой езды, а министрам, отговаривавшим его от этого, отвечал, что лекарь обещал выздоровление через шесть недель и что уже шесть недель прошло и он хочет испытать, сможет ли ездить.

В этот день (27 июня.— В. Ш.) мы вернулись на свою квартиру и находились в ней не без страха перед неприятелем и жителями до 1 июля, потому что в деревне оставалось очень мало солдат и наш дом находился на самой околице деревни. Москвиты в это время разбивали лагерь у деревни, в которой находился королевский двор с Мазепой, и нашлись калмыки, которые, отбросив страх смерти, вбежали в дом, занятый Мазепой, намереваясь его увести. Но шведы, телохранители Мазепы, их доблестно отразили. 29 июня королевский двор с присоединившимися полками вышел отсюда и последовал за королем, но наше войско из Хведерок отошло к Полтаве 1 июля.

На следующий день, 2 июля, король Карл, вызванный царским величеством, вышел со всем своим войском в поле, оставив обоз близ Полтавы. Фронт растянулся

на длину немецкой мили, в середине которого стоял король со своей гвардией и пушками; запорожские же казаки заняли фланги. Кавалерия была разбита по сотням, и к ней была придана пехота и распределена тоже по сотням. В тылу каждого полка имелось определенное число солдат. Между всеми полками и всеми сотнями было оставлено пустое пространство. Не было никого, кто бы не ждал неприятеля с радостью, думая, что этот день будет решающим и что шведы, наконец, избавятся от голода и других бедствий, которые их терзали, как медленная смерть. Мы с господином Погорским проехали на конях от одного конца этого фронта на другой и увидели, с каким мужеством готовятся шведы взяться за оружие.

Мы видели стаю птиц, летавших над московским лагерем, и многие старые солдаты, вспоминая, что подобное они наблюдали и перед началом предыдущих битв, считали это благоприятным предзнаменованием. И действительно, царское величество, которое нас вчера призывало к решительной битве, когда увидело шведские силы, представшие перед его глазами, отказалось от решительного сражения, и шведская пехота и конница должны были возвратиться на свои позиции, ничего не сделав. Разнесся слух, что Шереметев не советовал царскому величеству испытать в сегодняшней битве все шведские силы. И мы также возвратились к обозам, которые стояли в открытых полях перед северными Полтавскими воротами и были видны солдатам. Там мы нашли гетмана Мазепу, который утром, роскошно одетый, несся на чистокровном коне в бой, но король Карл, похвалив его, приказал вернуться к обозу ради спасения жизни, потому что и так у него было слабое здоровье...¹¹.

5 июля недалеко от самой ставки короля сшиблись эскадроны калмыков с несколькими королевскими валахами, но были мужественно отбиты. Пока происходили эти ежедневные схватки, я захотел за ними наблюдать и 6 июля выехал с господином Погорским из шведского лагеря, но только мы приблизились на расстояние выстрела, заметили, что с каждой стороны против нас несутся два калмыка, и мы были вынуждены свернуть в ближайший лес. На следующий день, на который пришлось VII воскресенье Троицы, после заутрени мы с господином Погорским и несколькими шведскими солдатами снова вышли посмотреть на посты московитов. Оба лагеря отстояли друг от друга меньше, чем на четверть мили, но шведы поставили вблизи шатра своего короля пушки, раскинули маленькие палатки, каждая из которых могла вместить четыре или пять пехотинцев. И все-таки королевский лагерь не был окружен рвом, так что можно было удивляться самоуверенности испытанных в своей храбрости солдат, которым приходилось отлучаться далеко из лагеря за пищей. Последние посты располагались под ближайшим холмом, который московиты укрепили тремя очень основательными валами. С левой стороны виднелся холм, заполненный шеренгами московитов. Мы были отделены от холма глубокой долиной и ручьем. Московиты, перебегая туда и сюда, вызывали шведов, обещая им водку и пиво, если они перейдут к ним. Но когда два пехотинца с двумя кавалеристами поднялись на холм, занятый московитами, эти храбрые провокаторы галопом разбежались. Развлекаясь более часа созерцанием этих стремительных вылазок борющихся сторон, а также шведской роты, подкреплявшей крайний пост и в то же время пристально наблюдавшей за московитами, мы возвратились на шведскую вечерню. Во время службы мы заметили стаю кричавших ворон и галок, терзавших своим криком наши уши. Они летали вокруг нашего лагеря и даже над королевской палаткой, в которой мы собрались. Мы услышали, что святое шведское королевское величество назначило на следующий день атаку на вражеские валы и давно желанную битву.

Этот королевский приказ все толковали по-разному, и особенно иностранцы толкуют его так доселе. Большинство обвиняет всепобеждающего короля в чрезмерной отваге и ребяческой безрассудности, другие — в пренебрежении к большим вражеским силам, некоторые — в нетерпении, возникшем из-за недавно раненной ноги. Я не хочу быть виновником всего того, что могло бы запятнать величие такого короля теми или другими подобными нападками, а скажу лучше, что король Карл должен был принять это решение вследствие жестокой и крутой необходимости. Ибо он видел, что неприятель, находясь в своей стране, имеет изобилие провианта, шведы же с каждым днем все больше испытывают трудности и недостатки; что те немногие деревни, которые до этого поставляли за большие деньги провиант, были истощены и даже

сами себя не могли прокормить и что хлеб, который отдельные полки добывали для себя сами, уже был на исходе и пополнить его запас было невозможно. Это привело к тому, что после истощения провианта в результате долгой осады Полтавы и ослабления сил солдат вследствие скифского холода прошедшей зимы, весеннего бездорожья и летнего голода многие, хотя и надеялись, что судьба повернется к лучшему, предпочитали честную смерть бедственной жизни. И все-таки когда они (эти солдаты. — В. Ш.) припоминают все несчастья, которым они подверглись, то проклинают плачевные успехи своего оружия. Они помышляли о перебежке к врагу и вследствие крайнего недостатка провианта, и из-за наступающей скудости во всех вещах. Вряд ли можно было сомневаться в неизбежности солдатского мятежа, когда из-за этого недостатка солдаты, обученные различным ремеслам, вынуждены были строить мельницы, оковывать повозки железом, ремонтировать колеса, одни — с напряжением обеспечивать доставку кормов, другие — нести тяжелую караульную службу. Вряд ли у них за целый день оставался час свободного времени, необходимый для очистки конюшен, ухода за лошадьми и наполнения своего желудка. Напротив, царское величество открыто говорило, что его целью являлось ослабление шведов путем затягивания справедливого сражения, изнурения их частыми вылазками легкой кавалерии казаков и калмыков, препятствования к обеспечению их провиантом, усиления голода и приведения их к мысли о заключении мира. Я думаю, что король Карл сожалел об участи своих солдат и желал в открытом бою защищать свое праведное дело. Однако внутренняя побудительная причина этого дня лучше всего известна богу и Карлу.

Итак, глубокой ночью по приказу короля все королевские повозки и повозки королевского двора и соседних полков были сняты с места и увезены из лагеря к холму на расстояние в полмили. И нам было приказано присоединиться к этому обозу. В то время, как мы неслись на конях, встретили несколько шведских эскадронов, бесшумно подъезжавших к королю. Эту ночь мы провели под открытым небом, без огня, соломы, сена, еды и питья, не зная, что находящееся здесь такое множество повозок было увезено из-за опасности грабежа калмыков. Эти повозки с тыла были защищены холмами, а спереди — пунками с двумя или тремя тысячами солдат.

Когда наступил день 8 июля, король Карл, восседавший на носилках, поставил во главе своего войска двух самых выдающихся генералов: графа Рейншильда и графа Левенгаупта. И когда пришли к тому рубежу, откуда нельзя было без победы ни отступить назад, ни продвинуться вперед, он приказал им бороться храбро из последних сил, предоставляя исход битвы всемогущему богу и веря в справедливость оружия, в испытанное искусство своих генералов и храбрость солдат. Он приказал им занять военные позиции и навести порядок на своих местах. Генерал Рейншильд занял правое крыло, расположенное по направлению к реке, Левенгаупт — левое, король для общей поддержки обоих занял центр. Кавалерию они смешали с пехотой, сосредоточив казаков и валахов на концах обоих флангов и у возов, оставленных в тылу, у которых все в случае неожиданной опасности укрылись бы. Затем эти генералы воодушевляли каждый своих солдат, чтобы те бросились в бой за благо короля и свое с большим мужеством, чем когда-либо до сих пор, и не боялись множества врагов больше, чем это заслуживает, потому что уже давно малочисленное войско научилось сражаться с более многочисленным... Дело находится на правильном пути, и что бы ни случилось, им (защитникам. — В. Ш.) будет хорошо. Если победят, то вскоре последует мир, если погибнут, то умрут за благо родины. Значит, нужно сражаться так, чтобы победить, или же, если так будет угодно богу, честно умереть. Ослабевших солдат может воодушевить сам король, который идет в бой, будучи немощным...

С обеих сторон было много лесов, которые пересекала река, текущая к городу. Московиты были, однако, счастливее шведов по той причине, что свои валы укрепили на возвышенности и при приближении шведов могли засыпать их градом пуль. Кроме того, численностью они превосходили шведов в шесть раз¹². Если бы было нужно, они могли отойти на более безопасное место, подкрепленное воинскими гарнизонами. Шведы же, обладая давно уже испытанной божественной мудростью своего короля и благородством побуждений, набожностью и неотлучным ее спутником — счастьем и, кроме того, веря в доброе дело и в свою воинскую доблесть, добытую за столько лет под руководством еще не побежденного короля, достаточно вооруженные духовно и

физически, воодушевлялись речами своих вождей. Солдаты готовы были выполнить приказы раньше, нежели они будут отданы, не считаясь с возможностью потери жизни, пока они будут выполнять их. Весь мир — свидетель того, что никто нигде на земле не мог бы увидеть солдат, легче переносящих жар и холод, напряжение и голод, которые с большим рвением выполняли бы приказы, с большим желанием шли бы по знаку в бой, были бы более готовыми к смерти, которые избегали бы дольше мятежа, спокойно жили в лагере, набожно вели себя, которые, меняя бы боевые позиции, более искусно умели строиться в клин, в круг, затем тут же — в треугольник, в четырехугольник или в ножицы и пилу.

У короля Карла было такое множество отличных мужей, что, хотя все его войско, приведенное на Украину, насчитывало 18 тысяч *, ты мог бы все-таки видеть, как в греческом войске перед Троей, в Рейншильде — Одиссея, в Левенгаупте — Аякса, в Крейце — Нестора, в Мейерфельде — Агамемнона, в Спарре — Диомеда, в Гамильтоне — Паламеда, в короле Карле — Ахилла, который теперь из-за своего великодушия не показал всего своего войска, но ему было достаточно с горсткой 12 полков напасть на 100-тысячное регулярное войско ** и почти 50-тысячное легкое неприятельское ополчение, оставляя 2 тысячи человек в окрестностях Полтавы и полк Мейерфельда, насчитывающий 2 тысячи человек в санжарских квартирах и столько же в обозе. Построенному войску в знак начала битвы дается два пушечных выстрела. Неизвестно, как все-таки могло случиться, что забыли помолиться, чему набожный король всегда отдавал первое место и с молитвой начинал и день, и битву.

После того, как был дан знак начала боя, королевские пушки увезли к обозу. Граф Левенгаупт, развернув королевские знамена, совершил атаку с левого фланга на траншеи неприятеля и без больших потерь занял их. В результате этого в руки короля перешли пушки, числом 20, размещенные на двух валах. Рейншильд также с правого фланга очень успешно атаковал неприятеля. Король Карл, сидя на своих носилках, преследовал всю московитскую кавалерию ¹³, обращенную в бегство, на протяжении в полмили, оставив 300 человек для защиты двух валов, занятых Левенгауптом.

К несчастью шведов, случилось так, что генерал-майор...***, отрезанный от остальных сил шведского войска, попал с 15 знаменами в руки неприятеля. О нем король Карл не мог знать ничего определенного, но царь нашел у него перечень всех полков, как введенных в битву, так и расположенных в других местах. Одушевленный небольшим числом наступающих шведов, он направил против 300 шведов, оставленных для защиты валов, 20 тысяч московитов и всех их перебил. Свои траншеи и пушки он вернул назад и потом так сильно противостоял королю, возвращавшемуся после преследования московитской кавалерии, что последний должен был проложить себе путь кровавым мечом.

Я с господином Погорским и с нашим слугой, как только мы услышали гром пушек и пальбу из ружей, именуемых «Salve», дивящуюся, не прерываясь, в продолжение четверти часа, возбужденные новизной событий, пришпорив коней, поспешили, покинув обоз вместе со многими другими, посмотреть на действия шведов, желая пройти к пехоте, как раз к той воинской части, которая окружала короля Карла и которую мне особенно рекомендовали старые офицеры, мои добрые друзья, когда я с ними советовался. Меня вынесло на конец левого фланга, который прикрывали запорожские казаки и где было более всего опасно, так как ему угрожал легковооруженный неприятель. Только мы достигли его, как много тысяч калмыков ¹⁴, подняв страшный крик, вызвали такое смятение, что фланг начал показывать спину. Однако некоторые с обнаженными мечами, угрожая бегущим смертью, привели его опять в порядок.

Господин Погорский, который во время скачки к месту битвы повесил на свою шляпу соломенный знак, чтобы его можно было отличить от московитов, примчался с корыстной целью захватить коней. Увидев смятение, созданное запорожцами, и ус-

* Цифра сильно занижена, см. прим. 12.

** Цифра завышена, см. прим. 12.

*** В подлиннике пропуск. То был генерал К. Г. Роос (Росс); его пехотные части были разгромлены в Полтавской битве А. Д. Меншиковым.

лышав страшный крик калмыков (кроме постоянного «и-и-и» ничего нельзя было различить), а также заметив над нашими головами летящие пули, он потерял мужество и, несмотря на мои заклинания, мне не удалось задержать его в лагере хотя бы на минуту. Действительно, особое божье провидение привело к тому, что мы тотчас же отступили, как только среди запорожцев началось новое замешательство и бегство. Иначе мы бы наткнулись на неприятельские эскадроны, выступившие из города с намерением помочь своим в беде. Да и наши обессиленные кони не могли бы уйти от быстрых казацких коней и доставить нас к отдаленному обозу.

Пока длилось сражение, мы слышали такую сильную ружейную пальбу и грохот пушек, какой нельзя себе представить, если бы не слышали его собственными ушами. Первые залпы были слышны во время атаки, вторые — при начале сражения остального войска, третьи — при отбитии траншей, четвертые — во время королевского возвращения, пятые (самые сильные) — после полуденного возобновления битвы, шестые — при изгнании шведов из окрестностей. Каждые из них длились по четверти часа. Тем временем в обозе объявились безумные смельчаки и безбожные разбойники, польские пахолки (батраки. — В. Ш.), которые, не обращая внимания на такой сильный и столько раз повторяемый грохот оружия и на неприятельскую атаку, угрожавшую обозу, при безграничном удивлении тех, кто охранял кладь, укрывшись среди деревьев, играли в карты.

Король Карл, державший до полудня в руках полную победу, когда генералы напоминали ему, чтобы он удовольствовался достигнутым успехом, отвечал: «Марш!». Затем, когда оба войска, слишком утомившиеся, отдохнули в течение часа, король Карл возобновил сражение. Но его задела не столько храбрость войск неприятеля, сколько неожиданная хитрость со стороны русских. Неприятель растянул фланги в форме полукруга и расставил свои пушки, большие и маленькие, многие из которых были переносными, не только в траншеях, но и на концах этих флангов. Они были сделаны из кож, натянутых на тонкое железо, изготовленное французским инженером Ле Метром по новому способу, изобретенному, как он говорил, им самим. Итак, с помощью этих и других больших пушек, которых вместе было около 100, говорят, постоянно заряжаемых не ядрами, а многими кусками железа, именуемыми в народе...* и стрелявшими в шведов по 50 раз, они (москвиты. — В. Ш.) уничтожили этими залпами всю гвардию короля Карла, которая была сердцем и душой всего шведского войска. Эти старые и прекрасно обученные солдаты были как бы засыпаны железным градом. Они полегли ранее, нежели взялись за оружие. Остальные, самые многочисленные, так храбро удерживали напор неприятеля, что, не борясь уже за честь, а за жизнь, сражались, когда у них выбили оружие, голыми руками. Но, наконец, и эти частично попали в руки победителю, отчасти были жестоко перебиты, часть же обратилась в бегство.

Жизнь короля Карла была в такой опасности, что он упал на землю с носилок, разломанных большим ядром. Когда его посадили на коня, этот конь был убит, и его посадили на второго коня. Когда и этого убило, двое его драбантов посадили его на третьего. Оба драбанта во время его перенесения были ранены пулями и пали на землю. Король же, когда кровь текла у него из недавно раненной и сейчас вновь поврежденной ноги, со всех сторон окруженный неприятелем, чуть-чуть не попал в руки неприятеля вместе со многими стоявшими около него драбантами. И не будь помощи самого бога и некоторых из капитанов, стремительно врезавшихся в гущу неприятеля, его бы не вынесли из боя.

Герой, не знавший до тех пор отступления, считая, что перед лицом такой большой безвыходности нужно отступить, укрылся в обозе, впервые приучаясь к мысли, что безвыходность — немилосердная стрела — не допускает иногда иметь ум честолюбивого человека. Если бы он мог, как всегда до этого, сам исполнить роль главнокомандующего, шведские дела были бы, согласно утверждению его оставшихся в живых солдат и других разумных людей, лучше.

Когда царское величество прогнало шведов с поля боя, оно направило несколько полков против 2 тысяч шведов, находившихся в окрестностях Полтавы, которые, хотя каждый храбро защищался, все до одного погибли, брошенные своими и уничто-

* В подлиннике пропуск. По смыслу здесь должно быть слово schrot — картечь.

женные нападшими на них с валов горожанами и множеством других врагов, наполнивших холмы и долины. По одной длительной ружейной пальбе можно было догадаться, с какой отвагой они противостояли своему противнику... Царское величество, достигнув неожиданной победы, с помпой вошло в Полтаву¹⁵. Полтавцы же, освобожденные от осады, водрузили в знак преданности царю белый флаг на высокой башне и проявили другие бесчисленные знаки своей несказанной радости...

Несколько раз к нам приближались с поля битвы убегающие казаки или рассеянные там и сям шведы. Из-за большой пыли, затрудняющей видимость, наши не могли их узнать. Мы ожидали, остолбенеv, нападения неприятеля и окончательной гибели, но, когда узнали затем о приезде короля, снова воспрянули духом... Король Карл, отдыхая в течение часа в обозе, послал генерала Понятовского к бендерскому паше, чтобы вытребовать королю проход через Османскую землю, что он и сделал, совершая дневные и ночные поездки.

Король Карл, вряд ли как-либо испуганный такой большой опасностью и несколько взбешенный, помог себе затем хитростью, послав к царскому величеству генерала Мейерфельда, чтобы тот похвалил бы от имени своего короля мужество царя, то, что он вынудил короля начать битву и занял поле сражения, и одновременно попросил бы милостивого разрешения похоронить погибших в бою, а также составить список пленных и убитых. В действительности же он поехал с той целью, чтобы привести в растерянность победителя и подольше задержать его, находящегося под впечатлением неожиданной победы, от преследования побежденных. Король Карл не обманулся в своих ожиданиях, ибо царь, сияя от радости и удовлетворенный достигнутой победой, встретил генерала Мейерфельда залпом из нескольких пушек и обратился к нему, допущенному перед его очи, так: «Что это происходит?! До этого, намереваясь вступить в Полтаву, вы не смогли этого сделать, сегодня же вы нехотя вступаете?!». «Происходит это, — отвечал генерал Мейерфельд, — из-за неизбежности судьбы и непостоянства счастья и прежде всего из-за воли всевидящего бога». После этого он угостил Мейерфельда богатым обедом и удовлетворил его просьбы. Но неожиданно он задержал его при себе на много дней и отпустил от себя при данном им обещании: или он сам возвратится в тюрьму, или же вместо себя пошлет другого генерала, делая вид, что и король Карл, которого он именовал своим братом, задержал у себя каких-то русских*, отправленного к нему с посольством. Мейерфельд вследствие лечения ваннами своей сломанной прошлой зимой ноги попросил у царского величества свободного прохода через владения его величества. Когда он его получил, то дошел с надлежащей свитой, предоставленной ему царским величеством, до турецких владений и пришел к самому королю, когда тот был уже на территории Бендер¹⁶.

Иначе если бы царское величество сумело развить свою победу, нет никакого сомнения, что это бы умножило беды обращенных в бегство шведов. Это было угодно богу, держащему в своей руке сердца государей. Когда завершились дела этих посольств, Карл тут же издал приказы увезти все повозки по направлению к Днепру. С этими возами и мы бежали куда быстрее и, пройдя две мили, провели ночь в санжарских полях, которые голутвянский полковник сделал опасными из-за частых атак. Колонны убегающих замыкал король с горсткой своих кавалеристов, сбежавшихся к нему из лесов, в которых они скрывались. Но так как он хотел скрыть неблагоприятное отступление, то вышел из примыкающих к Полтаве полей, когда солнце клонилось к закату. К полку Мейерфельда в Новые Санжары он пришел глубокой ночью.

Это была Полтавская битва и тот самый день 8 июля — роковой для шведов и памятный всем поколениям. Когда я вспоминаю об этом дне, волосы на голове становятся у меня дыбом, и я ужасаюсь. Но, видимо, шведское королевское величество предвидело в начале года эту неудачу. Он предписал ко дню 9 июля для толкования текста Покаяния (пророка) Осии, VII, 16: «Падут от меча князья их за дерзость языка своего; это будет посмеянием над ними в земле Египетской». Действительно, это пал цвет шведского войска. Пленен был граф Пипер, первый министр и секретарь Штатов, пленен Олаф Гермелин, секретарь Штатов, самое доверенное лицо короля, человек набожный, выдвинутый на этот пост из ректоров Дерптской академии, питав-

* В подлиннике *suecos*, что означает шведов. Но это ошибка Крмана, на что указывают издатели его дневника.

ший расположение ко мне и к моему евангелическому роду и которого надо отнести к числу первых. Были взяты в плен секретарь Цедергельм, господин граф Рейншильд, фельдмаршал, пленены были генералы Гамильтон, Штакельберг, Шлиппенбах. Попали в плен многие офицеры высшего и низшего звания, много священников, и среди них самый красноречивый — Нодберг, придворный священник. Пленена была рота отборных солдат, и на месте битвы пали более многочисленные мужи различных званий. Около 10 тысяч частью было убито, частью взято в плен¹⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Генерал-адъютант Карла XII Г. Канифер с отрядом около 200 человек стоял в селении Смоляны, когда в начале августа 1708 г. русские разгромили его отряд, а Канифера и более 50 солдат и офицеров взяли в плен (см. «Труды» Русского военно-исторического общества (РВИО), 1909, т. 1, № 218).

² Бой произошел 9 (20) сентября 1708 г. на русской границе у дер. Раевка. Описание его Крманом не соответствует действительности. По шведским источникам, Карл XII имел в этом бою несколько полков («*Karolinska Krigares dagbocker*». Т. III. Lund. 1904, s. 52, 266). По русским данным, шведы потеряли убитыми 1500 человек («Труды» РВИО, 1909, т. 1, № 181).

³ Веприком, важным опорным пунктом русских войск, шведы неоднократно пытались овладеть. Решающий штурм города произошел 6 (17) января 1709 г., после которого селение пало. Крман преувеличивает численность гарнизона и жителей Веприка (см. В. Е. Шут о й. Борьба народных масс против нашествия армии Карла XII. 1700—1709. М. 1958, стр. 334—343).

⁴ Войнаровский, племянник Мазепы, не мог познакомить Крмана с каким-то другим племянником гетмана, потому что такого не существовало. А. В. Обидовская (урожденная Кочубей) была не сестрой Мазепы, а вдовой его племянника И. П. Обидовского, бывшего нежинского полковника, умершего в начале 1701 года.

⁵ Здесь допущена неточность. Полк Альбедила стоял гарнизоном в Рашевке. 15 (26) февраля 1709 г. он был разбит русскими, захватившими в плен 162 шведа, а среди них и самого полковника Г. О. Альбедила.

⁶ Оснабрюкский договор между Швецией и австрийским императором Иосифом I, заключенный в 1707 г. в защиту евангеличества и евангелистов.

⁷ Петр I прибыл в армию под Полтавой из Воронежа 4 (15) июня 1709 г.; тогда же началось сосредоточение главных сил русских под Полтавой («Труды» РВИО, 1909, т. 3, стр. 268).

⁸ По приказу Петра I Старые Санжары, находившиеся на южных подступах к Полтаве, штурмовал генерал Генскин с 7 полками. Во время штурма шведы потеряли 800 человек убитыми, русские захватили большие трофеи и освободили 1200 военнопленных (И. Голиков. Дополнения к Деяниям Петра Великого. Т. XV. М. 1795, стр. 299).

⁹ 26 мая отряд русских войск в 1200 человек под командованием бригадира А. А. Головина прошел через болото мимо шведских часовых «и счастливо вошел в Полтавскую крепость». Через день, увлекшись погоней за шведами, Головин попал в плен, откуда освободился после Полтавской битвы («Архив князя Ф. А. Куракина». Кн. I. СПб. 1890, стр. 319—320).

¹⁰ О характере русской информации для Турции накануне Полтавской битвы см. «Полтава». Сборник статей. М. 1959, стр. 146—147.

¹¹ Накануне битвы под Полтавой Карл XII вознамерился улучшить стратегическое положение своей армии и для этого штурмом овладеть городом. Он полагал, что его защитники, обессиленные трехмесячной осадой, не выдержат удара. Однако шведам угрожало то, что русские войска, сосредоточенные на правом берегу Ворсклы, попытаются во время штурма оказать помощь полтавскому гарнизону. Тогда король решил помешать этому и 2 июля (21 июня) построил свою армию в боевой порядок к северу от Полтавы («Полтава», стр. 51; В. Е. Шут о й. Указ. соч., стр. 411—412).

¹² Общая численность русских войск под Полтавой достигала 42 тыс., шведских — до 30 тысяч. Построенных к бою русских войск было 32 тыс. против 25 тыс. шведских. Но Петр I подчеркивал, что в Полтавской битве участвовала лишь первая русская линия — 10 тыс. человек, «а другая до того бою не дошла» («Письма и бумаги имп. Петра Великого». Т. IX, вып. 1. М. 1950, № 3297).

¹³ Русская кавалерия, выполнив задачу по защите редутов, по приказу Петра I отошла на правый фланг укрепленного лагеря. Приняв это за отступление, шведская пехота стала продвигаться вперед. Подойдя вплотную к укрепленному лагерю, она попала под сильный картечный огонь и понесла большие потери.

¹⁴ Калмыки в Полтавской битве не участвовали.

¹⁵ Утверждение Крмана, что победа под Полтавой была неожиданной для самих русских, необоснованно. Петр I уверенно шел на «генеральную баталию». Пол-

тавская победа была подготовлена всем предыдущим ходом Северной войны, обеспечена превосходством русских сил и вооружения, удачным выбором времени и места сражения. Петр I вступил в Полтаву 28 июня 1709 г. и был торжественно встречен населением города и гарнизоном крепости. Все участники обороны города получили награды.

¹⁶ Находясь в пути к Переволочной, Карл XII направил Я. Мейерфельда к Петру I с устными предложениями о мире между Россией и Швецией на условиях, предложенных русским правительством накануне Полтавы. Они заключались в том, чтобы окончательно признать за Россией Ижорскую землю с Петербургом. Царь заявил генералу, что теперь, когда пролилась кровь и над врагом одержана решающая победа, эти условия уже неприемлемы, и соглашался заключить мир, если Швеция уступит России часть Карелии с Выборгом. Мейерфельд на некоторое время был задержан в русском лагере, поскольку явился без «письменного вида». Затем генерал и королевский тайный секретарь Цедергельм были отпущены в Швецию, «дабы они обще с стокгольским сенатом старались о склонении короля к миру» (И. Голиков. Дополнения к Деяниям Петра Великого. Т. XVI. М. 1795, стр. 69—73; E. Tenberg. Meyerfelts mission efter Poltava. Några antesknningar. «Historisk tidskrift», 1952, hf. 3, s. 270—276).

¹⁷ Потери шведов в Полтавской битве составили более 9 тыс. убитыми и почти 3 тыс. пленными. Под Переволочной сдались в плен еще около 18 тыс. шведов.